

— Вы Рязанцева? — услышала я за спиной и нехотя повернулась. — Рязанцева Ольга Сергеевна? — повторила молодая женщина прямо-таки ослепительной красоты.

Впрочем, при ближайшем рассмотрении оказалось, что красотой господь наделил ее не больше, чем меня, но она своей распорядилась с умом и кое-что даже подредактировала: интригующий цвет глаз, скорее всего, линзы, а бюст силиконовый, объемом талии девушка обязана корсету, а цветом лица косметологу, грим был наложен профессионально. Выглядела она юной и свежей, хотя уверенно приближалась к своему тридцатилетию, а может, успела и перевалить за него.

За что я терпеть не могу всячески приемы, так это за необходимость толкаться в толпе граждан, среди которых непременно отыщется особь, желающая потолковать с тобой по душам. Обычно это нетрезвая дама. И слушать тоска, и к черту не пошлешь. «А вот и пошлю», — недобро подумала я, косясь на бокал в руках девицы. Впрочем, выглядела она не только красивой, но и трезвой.

— Да, я Рязанцева, — ответила я безо всякой охоты. — А вы кто?

Она засмеялась, весело и заразительно.

— Я вас такой и представляла, — заявила она, когда ей надоело смеяться, а мне надоело ждать.

— Рада за вас, — не осталась я в долгу. — Не люблю разочаровывать. Как вас зовут?

— Светлана, но друзья называют меня Светик.

— Если в ваших планах подружиться со мной, то на всякий случай предупреждаю: я не самая лучшая кандидатура.

— Почему? — улыбнулась она. Разговор ее явно забавлял.

— Я по натуре не очень дружелюбна. Характер у меня скверный, дружат со мной в основном собаки, маленькие и вредные.

— Я знаю, у вас есть такса, зовут Сашка. Правильно?

— Ну, это все знают, — пожала я плечами.

— А правда, что вы сделали наколку «Мне все по фигу»? — не унималась Светлана.

— Простите, вы не из «Метронома»? — проявила я интерес. «Метроном» — желтая газетенка в нашем городе, не оставлявшая меня своим вниманием даже после того, как я покинула здание с колоннами, откуда Дед руководил народом, избравшим его. — Тамошные ребятишки обожают подобные вопросы.

— Нет, я не из газеты. И вообще, не имею отношения к средствам массовой информации.

— А к чему имеете?

— Я вам не нравлюсь? — просто спросила она, чем, признаться, удивила меня.

— Напротив. Мои глаза на вас отдыхают. Извините, мне нужно в туалет. — Я сделала шаг в сторону, с намерением оставить девушку, но она схватила меня за руку.

— Подождите.

— Жду.

— Знаете, с вами трудно разговаривать.

— Так, может, не стоит мучиться? — вздохнула я.

И тут начались сплошные загадки.

— Он говорил вам обо мне? Впрочем, нет... невозможно. Наверное, это что-то интуитивное.

— Наверное, я мало выпила сегодня, — не выдержала я. — Ни словечка из того, что вы сказали, я не поняла.

— Иногда очень трудно выразить свои чувства, — пожаловалась она.

На счастье, подошла Ритка, моя подруга и секретарь Деда.

— Он тебя ищет, — сообщила она в своей обычной манере, без всякого интереса взглянув на Светлану.

Тут, рассекая толпу, точно крейсер прибрежные воды, появился Дед. Несмотря на возраст, а ему уже за шестьдесят, выглядел он много лучше двух десятков мужчин, что в настоящий момент топтались здесь. Сегодня на приеме собрались представители администрации и бизнесмены. Представители администрации все, как один, страдали ожирением и одышкой, дамы в этом смысле ничем от мужчин не отличались. Бизнесмены выглядели подтянутыми, щеголяли ранними лысынами и сероватым цветом лица, нажитыми вместе с деньгами; их жены сверкали бриллиантами и время от времени оглядывались, точно пытаясь сообщить, куда они попали. Жены представителей администрации были в деловых костюмах, но взгляды их, обращенные друг на друга, горели лютой злобой и блеском могли поспорить с бриллиантами. В общем, обычная тусовка, и люди тоже обычные, если б не эта Светлана.

Она проследила мой взгляд, увидела Деда и слабо улыбнулась. Я подумала: может, в ее словах нет никакой загадки, просто это очередная подруга Деда подошла потолковать со мной, есть такие любительницы. Не знаю как ей, а мне Дед в тот момент понравился, высокий, подтянутый, с серебристой гривой волос, седина необыкновенно шла ему.

— Он красивый, — произнесла Светлана, и я с ней согласилась:

— Еще бы.

— Вы его любите?

— Как отца родного, — кивнула я, приврав самую малость, особенно если учесть, что Дед, в миру Кондратьев Игорь Николаевич, старый друг моего отца, а после его смерти единственный близкий мне человек. О том, что долгое время он был моим любовником, а также работодателем, лучше умолчать.

Ритка недоуменно взирала на Светлану, теряясь в догадках. Дед, на ходу пожимая руки, подошел к нам, взглянул на Светлану, нахмурился, торопливо поздоровался и сказал мне:

— Идем, познакомлю тебя с Арсеньевым.

— На кой он мне черт? — прошипела я, когда мы немного удалились.

— Прекрати, — осадил меня Дед. — Ты же знаешь, сейчас такое время...

— Про время помню, — перебила его я, — только не могу понять...

— Постарайся произвести на него хорошее впечатление, — в свою очередь, перебил меня Дед, из чего я заключила, что он не терял надежды вновь увидеть меня в своем штате. Пока я стойко сопротивлялась, но и он не отступал.

С Арсеньевым, который не так давно стал председателем законодательного собрания, мы все-таки познакомились. И я даже смогла ему понравиться, что в принципе неудивительно: девушка я молодая, красивая и могу обаять кого угодно, если приходит охота, а как ей не прийти, когда Дед стоит рядом и смотрит так, точно ждет пряника.

Арсеньев подхватил меня под локоток и принялся рассказывать анекдот, который я слышала уже раз пять, и над смешным анекдотом смеяться в шестой раз сложновато, а уж этот был попросту дурацким.

Я захихикала, надеясь, что Дед придет мне на выручку, зная, что терпения у меня — кот наплакал.

Рассеянно слушая Арсеньева, я наблюдала за мельтешащими людьми и вдруг поймала себя на мысли, что высматриваю Светлану. Но среди гостей ее не было. Пожилая дама наконец освободила меня от Арсеньева, и я спросила Деда:

— Ты давно знаком со Светланой?

— С кем? — удивился он.

— С девушкой, с которой я разговаривала перед тем, как ты подошел.

— Та, что с силиконовым бюстом? — Способность Деда с ходу отличать подделку у меня неизменно вызывала уважение. — Понятия не имею, кто это.

— Серьезно? — Я спросила с удивлением, а Дед решил, что с издевкой.

— Тебя послушать, так я здесь всех баб перетраhal, — заявил он со злостью.

— Мне такое и в голову не приходило, — сказала я. — Процентоv девяносто, не больше.

Я засмеялась. Дед вздохнул, но потом тоже засмеялся. Его страсть к женскому полу была общеизвестна. То, что бабы в нем души не чаяли, тоже дело понятное. Дед — прирожденный лидер, а бабы тянутся к сильным мужчинам, хоть и догадываются, что обрeтаться рядом с такими — не сахар.

Он взглянул на часы и заявил:

— Минут через двадцать можем смыться. Ты как?

— По мне, так и вовсе приходить не стоило, — отозвалась я.

Он только покачал головой, хотя я была права, потому что знать не знала, в каком качестве нахожусь здесь.

На Деда я теперь вроде бы не работала, числясь в долгосрочном отпуске (он так и не соизволил подписать мое заявление), к плеяде бизнесменов меня тоже не отнесешь, коли уж ничем полезным я не занима-

юсь. Если быть честной, я вовсе ничем не занимаюсь, пользуясь тем, что денег у меня, благодаря Деду, пруд пруди, и я понятия не имею, что с ними делать. Подозреваю: сюда он притащил меня, боясь, что от безделья я тихо схожу с ума в своей квартире. Впрочем, может быть, надеялся, что я перестану валять дурака и вернусь к своим обязанностям. В его штате я занимала должность помощника по связям с общественностью, трактовать сие можно было весьма расширительно. Сам Дед предпочитал давать мне конфиденциальные поручения, которые по большей части мне не нравились, что и послужило в конце концов причиной моего долгосрочного отпуска. Наши с Дедом отношения были до того запутаны и даже нелепы, что я давно отчаялась разобраться в них. Ужиться нам было нелегко, но и расстаться не получалось, потому что, несмотря на расхождения во взглядах, мы были очень близки — словом, выходило как в пословице: вместе тесно, а врозь скучно.

Деда перехватил незнакомый толстяк в ярком галстуке, а я направилась к столу, взяла бутерброд с икрой и вдруг почувствовала, что в настроении граждан наметилась некая перемена. Еще минуту назад толпа благодушествовала, в меру выпив и закусив, а тут точно легкий ветерок прошел по залу, разговоры стихли, сосед слева замер с бокалом у рта, а дама напротив напряженно вытянула шею.

Я с некоторым удивлением огляделась и без труда смогла обнаружить причину такого повышенного внимания: в зал не спеша вошел Тимур Тагаев. Народная молва называла его «крестным отцом» нашей мафии. Возможно, так оно и было. ТТ, под этим прозвищем знали Тимура и стар и млад, своего теперешнего благосостояния достиг путем несправедливым, однако никогда не «привлекался». Налоговая и прочие органы при всем желании достать его не могли. Впрочем, желание также вызывало сомнение, уж если б

желали, непременно бы достали. С неугодными Дед был скор на расправу, но мне было доподлинно известно, что Тагаев щедро делится с народными избранниками, и в первую очередь с Дедом. К тому же, несмотря на молву, он вполне мог считаться бизнесменом, у него были свой ресторан, казино, бензозаправки, два автосалона, пай в трех строительных фирмах, пара заводиков, где ляпали пельмени и сбивали масло, и еще много чего, сразу и не вспомнишь. И если уж Деду пришла охота собрать цвет нашего предпринимательства, то Тагаеву здесь самое место. Начав с дворовой шпаны, по меткому выражению Деда, Тагаев к тридцати шести годам стал в масштабах нашего областного центра очень и очень богатым человеком.

Однако, несмотря на успехи в бизнесе, он был фигурой все-таки нежелательной. Вот так являться на тусовку пред ясные очи Деда — верх наглости, и то, что он вдруг появился, здорово удивило даже меня. Тагаев посмеивался над властью, наживал свои миллионы и никуда не лез. Хотя в последнее время мог и озадачить: к примеру, заказал колокола на свои кровные для Воскресенской церкви, а также оклад на икону Богородицы из чистого серебра с позолотой, о чем раструбили все газеты, поместив его портрет в обнимку с нашим епископом. Мой друг Лялин, который всегда все знает лучше всех, три дня назад подергал рыжий ус, разглядывая фотографию, и заявил:

— ТТ в политики намылился.

— Чушь, — возразила я, потому что была о Тимуре лучшего мнения.

— Помяни мое слово, — самодовольно изрек Лялин. Я нахмурилась.

— Он умнее, чем кажется, — вступилась я за Тимура.

— Парню стало тесно, — хмыкнул Лялин, — хочется душевно развернуться.

На этом разговор мы прекратили, каждый остался при своем мнении.

То, что Тагаев впервые появился на официальном приеме, меня озадачило и навело на мысль, что Лялин, возможно, прав.

Я взглянула на Деда, желая знать, как отнесся он к столь неожиданному появлению, и смогла убедиться, что не только у меня возникло такое желание: взгляды присутствующих метались от Деда к Тагаеву, и все напряженно чего-то ждали. В лице Деда намечилось некоторое недовольство. Но надо отдать ему должное, он быстро справился с собой, в сторону Тагаева даже не взглянул, игнорируя его появление, и продолжил разговор с толстяком. Далее было очень интересно: толпа попятилась от ТТ, точно от зачумленного, а он с блуждающей улыбкой на устах прогулялся по залу. От стола навстречу к нему выпорхнул сначала один бизнесмен, затем другой, потом они просто-таки потянулись вереницей. Дед, конечно, и в Африке Дед, но и с Тагаевым задираться дураков нет. Тимур всегда все подмечал и ничего не прощал.

Граждане судорожно шарахались от одного к другому. Дед едва заметно дергал щекой, а Тагаев явно наслаждался ситуацией.

Ко мне подскочила Ритка, лицо ее пылало, глаза метали молнии.

— Он что, с ума сошел? — зашипела она, обращаясь ко мне. Я выразила удивление поднятием бровей. — Он что, с ума сошел? — гневно повторила она, должно быть, избрав меня козлом отпущения.

— Возможно, — уклончиво ответила я, не желая затевать диспут на малоинтересную для меня тему.

— Какая наглость, — простонала она, готовясь разреветься от злости.

— Чего ж его охрана пропустила? — потеряла я нос, наблюдая за передвижениями Тимура.

Ритка растерянно взглянула на меня.

— Так у него приглашение.

— Вона как, — скривилась я. — И кто до такого додумался?

— Но... ты же знаешь, — принялась объяснять Ритка, как будто я в самом деле знала, — Анисимова на нем просто помешалась, после того как он детский санаторий отремонтировал. Зудела и зудела, что «мы обязаны пригласить»... Ну и пригласили, были уверены, что не придет. Не первый раз приглашали, и никогда не приходил.

— А тут взял и явился, — посочувствовала я.

— И не стыдно тебе? — обиделась Ритка. — Ты бы хоть о нем подумала. — О нем, это о Деде, конечно.

— Он справится, — отмахнулась я.

Тагаев как раз появился в поле зрения Деда, но тот и бровью не повел, повернулся и взглядом нашел меня в толпе.

Тут надо пояснить, что та же народная молва некогда зачислила меня в любовницы Тимура. Если честно, то не без оснований.

Наша любовь с Тагаевым была скоротечной. Мы встретились в трудную минуту, помогли друг другу, но, вместо того чтобы тихо-мирно разойтись, как-то между делом оказались в одной постели. Это было большой ошибкой. Я признала ее сразу, а он все как-то упрямялся. Однажды он даже заявил, что любит меня. Я не поверила и схлопотала по физиономии. То, что официально дом с колоннами, где властвовал Дед, я так и не покинула, он расценил, как мой выбор в пользу Деда, и удалился с улыбкой на устах и со словами «насильно мил не будешь». Правда, обещал позвонить, чтобы как-нибудь сыграть партию в шахматы, но, наверное, забыл об обещании, потому что с тех самых пор мы ни разу не виделись. Я была вполне удовлетворена подобным развитием событий, встреч не искала и не собиралась звонить ему. Но сейчас, наблюдая за ним, я совершенно неожиданно почув-

ствовала некое волнение. Более того, это было как укол в сердце. Сердце меня до сего времени не беспокоило, а вот теперь удивило.

Тагаев был хорош с этой своей небрежной улыбкой, равнодушием к суете вокруг, шепотку за спиной и твердой уверенностью, что ему сам черт не брат. Мои губы против воли растянулись в улыбке. Он напоминал тигра в стае шакалов и, подозреваю, хорошо знал об этом. Здесь он был единственным, кто мог потягаться с Дедом, так что неудивительно, что все с таким жадным вниманием наблюдали за происходящим.

Заметил меня Тагаев или нет, не берусь судить. Если и заметил, то вида не подал. А я решила не искушать судьбу и попыталась тихо смыться. Пользуясь тем, что Тимур стоит ко мне спиной и видеть в настоящий момент не может, я подошла к Деду, чтобы сообщить, что здесь ничего меня не держит. Я как раз проходила мимо Тагаева и услышала, как он говорит кому-то:

— Ты-то здесь с какой стати? — Голос его звучал скорее строго, чем удивленно.

Я проявила любопытство и обернулась, чтобы взглянуть, с кем это он говорит. Рядом с Тагаевым стояла Светлана.

— Я серьезно отнеслась к твоему предостережению, — ответила она, — и решила подстраховаться.

— Ну-ну, — хмыкнул он.

Тут девушка заметила меня, улыбнулась, а я, проигнорировав улыбку, резко сменила траекторию своего движения и направилась к Ритке. Та все еще пылала праведным гневом.

— Кто эта красавица? — спросила я, кивнув на Светлану.

— Которая? — не поняла Ритка. Да и немудрено не понять, коли вокруг столько народу, а все женщины красавицы по определению.

— Та, что разговаривает с Тагаевым.

— Понятия не имею, — нахмурилась она. — Чья-нибудь жена. Зачем это тебе?

— Ты слышала о таком грехе, как любопытство?

— О господи... — Ритка уверенно направилась к дверям, где маячила охрана.

Я устремилась за ней, но была остановлена гос-пожой Архангельской, депутатом и страшной зану-дой.

— Ольга Сергеевна, мы хотим пригласить вас на заседание нашего общества «Женщины и политика». Сейчас мы работаем над программой «Мать и дитя», защита прав матери и ребенка. Игорь Николаевич одобрил... Я считаю, вы не должны оставаться в сто-роне...

Я кивала в такт ее словам, мысленно прикидывая, что полезного могла бы сделать для матерей и детей. От назойливой дамы меня спасла вернувшаяся Ритка.

— Никто не знает, что это за девка, — с неудовольствием сообщила она. Неудовольствие относилось к тому факту, что на такой простой вопрос ей не смогли дать внятный ответ. — Но раз здесь все по приглашениям, значит, она притащилась с кем-нибудь из мужиков. Охранник говорит, что вроде с Яхонтовым, но он не уверен.

Яхонтов, известный в городе пустобрех, неудавшийся политик и владелец пресловутого «Метронома», слыл дон-жуаном и мог явиться с кем угодно, от сотрудницы до любовницы.

— Спасибо за ценные сведения, — сказала я.

Ритка скривилась.

— Ничего никому нельзя доверять. Сумасшедший дом, никто ни за что не отвечает... Дед, — она понизила голос, — идет к нам. Лучше б меня мама в детстве утопила, чем пережить завтрашнее утро, когда он устроит разбор полетов.